

Р. Г. Кузеев

Происхождение башкирского народа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
К89

К89 **Кузеев Р.Г.**
Происхождение башкирского народа / Р. Г. Кузеев – М.: Книга по Требованию,
2012. – 576 с.

ISBN 978-5-458-39236-5

ISBN 978-5-458-39236-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ

История Башкирии и башкирского народа¹ изучена неравномерно. В огромном потоке исторической литературы по Башкирии, опубликованной в XIX—XX вв.², исследований по древней и средневековой истории чрезвычайно мало. Имеющаяся литература, прежде всего дореволюционная, с точки зрения построения общей концепции древней и средневековой истории башкир и Башкирии, не всегда безупречна. Еще в XIX в. наметилась тенденция рассматривать Башкирию эпохи древности и средневековья как относительно замкнутый район. Анализ сложных этнокультурных, хозяйственных и социально-политических процессов, опирающийся на оценки, имеющие преимущественно региональное значение, неизбежно вел к сужению исторического фона исследования, к этноцентризму в оценке исторических фактов и явлений.

История Башкирии на разных этапах может быть глубоко изучена только во взаимосвязи с историческими процессами того этнополитического мира, частью которого она являлась. В VIII—X вв., когда башкиры впервые упоминаются в восточных источниках, они входили в огромный, преимущественно тюрко-угорский, этнический мир, раскинувшийся на обширной территории от Алтая до Причерноморья. Средневековую жизнь башкир (X—XVI вв.) надо рассматривать в тесной связи с историей печенегов, огузов, волжских булгар, кыпчаков, монголов, а также с историей Золотой Орды и возникших на ее развалинах феодальных ханств. С XVI в., когда Башкирия становится частью Русского государства, башкиры оказались в сфере сильного и многостороннего влияния совершенно иного мира, находящегося на более

¹ Численность башкир в СССР, по данным переписи 1970 г., 1240 тыс. человек.

² Библиографию см.: *Никольский*, 1899; *МИБ*, 1936, стр. 497—511; *ОИБ*, 1956, 289—300; *Иванков*, 1969, стр. 474—498.

высокой ступени развития. Взаимодействие различных тенденций в социально-экономическом, этнокультурном и политическом развитии, приведшее к существенным сдвигам в исторической судьбе этого народа, является основным содержанием истории Башкирии в последующие после присоединения к России столетия. Таков в очень крупных масштабах исторический фон, на котором развивались события башкирской истории.

Исследователь, поставивший перед собой задачу реконструировать сложнейшую картину этнической истории башкир, неизбежно встает перед необходимостью изучать, а в ряде случаев по-новому решать многие общие вопросы древней и средневековой истории Башкирии и ее населения. Главной же трудностью является отсутствие или недостаток источников, на основе которых можно было бы развернуть страницы прошлой истории башкирского народа.

Известно, что башкиры не имели своей письменности. Вместе с исламом суннитского толка к ним проникла арабская письменность. Ею башкиры пользовались вплоть до начала XX в. Время приобщения башкир к мусульманской религии (и соответственно заимствования арабского письма) с достоверностью не установлено. В X в. башкиры не были еще мусульманами (Ибн-Фадлан, 1939); судя по имеющимся источникам, распространение ислама среди башкир заняло несколько столетий и завершилось не ранее XIV—XV вв. (Бартольд, 1964а, стр. 316; 1968в, стр. 494; Катанов, 1920, стр. 3; Вельяминов-Зернов, 1859, стр. 257—287). Наиболее ранние башкирские тексты на основе арабской графики были составлены в XVI в., но и они дошли до нас в поздних копиях (БШ, 1960, стр. 177—178). Аутентичные тексты (на так называемом языке тюрки) датируются лишь XVII—XVIII вв. Это хранящиеся в ЦГАДА различного рода челобитные, купчие записи, письма башкирских старшин представителям царской администрации. Количество выявленных текстов невелико. В научный оборот введено несколько десятков документов, опубликованных в подлинниках или в переводах частью на рубеже XIX—XX вв. (Добросмыслов, 1900), а в большинстве случаев — недавно (МИБ, 1949, стр. 577; 1956, ч. I, приложения). К XVII—XVIII вв. относится также появление массового документального материала по истории Башкирии на русском языке. Этот материал, в значительной части опубликованный (МИБ, 1936, 1949, 1956, 1960) или подготовленный к публикации³, представляя исключительную ценность для изучения политической и со-

³ Рукописный фонд ИИЯЛ БФАН СССР. МИБ, т. VI, VII.

циально-экономической истории Башкирии в XVII—XVIII вв., не затрагивает по существу проблем более ранней истории башкир. История башкир и Башкирии до XVI в. находится за пределами собственно башкирских и вообще автохтонных письменных источников.

Исследователи истории многих народов Евразии черпают сведения из двух сокровищниц. Прежде всего они изучают сочинения древних и средневековых авторов: западных и восточных историков и путешественников. В последние десятилетия в связи с успехами археологии первостепенное значение придается археологическим источникам. Как обстоит дело с указанными видами источников применительно к истории Башкирии?

С IX—X вв. башкиры, расселяясь в Приуралье и находясь с тех пор на периферии степного мира, оказались вне пределов обычных маршрутов восточных и европейских путешественников. Лишь один Ибн-Фадлан оставил описание башкир Приуралья, которое опирается на личные наблюдения. Во всех остальных случаях (Ибн-Русте, Масуди, Гардизи, Идриси, В. Рубрук, П. Карпини и др.) сведения о башкирах заимствованы из не дошедших до нас сочинений более ранних путешественников или почерпнуты из устных рассказов и поэтому отрывочны и чрезвычайно противоречивы (Захoder, 1962; Pegenyi, 1959). И все же свидетельства средневековых авторов могут служить отправной базой для решения некоторых ключевых вопросов этнической истории башкир, но исчерпывающая историческая интерпретация этих сообщений возможна лишь на широком историческом фоне, разработанном с привлечением всей совокупности источников.

Археологическое изучение Башкирии в широких масштабах началось два десятилетия назад (Бикбулатов, Мажитов, 1969). Сейчас накоплен значительный материал, который впервые обобщен в нескольких монографиях и многочисленных статьях и сборниках (А. П. Смирнов, 1958; Сальников, 1967; Мажитов, 1968; БАС, 1959; АЭБ, 1962, 1964, 1968, 1971). Однако весь этот материал относится по существу к «добашкирскому» периоду истории Башкирии. Этническая история башкир IX—XVI вв. археологическими исследованиями не освещена или освещена очень слабо. В последние годы на территории Башкирии изучена небольшая, но интересная серия памятников IX—XI вв., которая археологами связывается с тюркоязычными кочевниками или с собственно башкирами (Садыкова, 1959; Мажитов, 1964а). В целом же археология лишь вступила на путь создания общей концепции этнической истории башкир с древнейших времен до формирования их в народность. Объясняется это не только недо-

статочной изученностью средневековых памятников Башкирии. Серьезные трудности создаются неустойчивостью, а точнее, неотработанностью критериев выделения археологических культур в степном мире и чрезвычайной относительностью определений этнической принадлежности племен той или иной культуры в I тыс. н. э. Сдерживающим моментом в широкой интерпретации археологического материала является также позиция крайнего автохтонизма, занятая некоторыми археологами в изучении этногенеза башкир (Мажитов, 1971, стр. 13). Эти обстоятельства заставляют, отдавая должное археологическим источникам и используя их при изучении древней истории края, признавая постоянно возрастающую роль археологии в исследовании исторических проблем эпохи средневековья, все же с критической осмотрительностью привлекать результаты археологических изысканий при разработке общей концепции этногенеза башкир.

Значительный вклад в исследование древней и средневековой истории Башкирии и башкир может внести историческая этнография. И не только потому, что историческая этнография, разрабатывая свойственные ей проблемы этногенеза, истории культуры и родового строя, может с большим эффектом использовать дошедшие до нас немногочисленные свидетельства средневековых хронистов, писателей и путешественников. Изучая этнографические явления на обозримом для фиксации периоде (вторая половина XIX—XX в.), отталкиваясь от этой достоверной действительности и сопоставляя полученный материал с письменными и иными источниками предшествующих веков, историческая этнография в состоянии делать плодотворные ретроспективные реконструкции. Эти возможности исторической этнографии особую ценность имеют при изучении истории бывших кочевников. Исследователи довольно часто вынуждены отмечать, что письменные источники по истории кочевников (там, где они имеются) не отражают во всех нюансах внутренних особенностей социальной организации скотоводческого общества, специфики хозяйства, а тем более сложных явлений этнической истории.

Перед исторической этнографией, таким образом, в использовании накопленных ею фактов стоит трудная, но реальная задача. Заключается она в том, чтобы суммировать полевой этнографический материал, относящийся к XIX—XX вв., с историческими, археологическими и другими источниками предшествующих веков, скоррелировать их и на этой общей основе создать качественно обновленную источниковедческую базу для изучения этнических, хозяйственно-культурных и социальных проблем истории башкир эпохи древности и средневековья. Реализация намечен-

ного подхода к использованию этнографических источников (при широком хронологическом диапазоне изучаемого периода) требует тщательности в выборе методов и приемов исследования. Особенно важны вопросы достоверности, датировки, репрезентативности материала.

Основным направлением повышения эффективности этнографических источников и объективности исторического повествования является расширение рамок исследования как в плане территориальном, так и в хронологическом. Соответственно необходимо привлечение разнообразного сопоставимого материала, установление на его основе преемственных и иных связей между удаленными друг от друга территориями или временем, фактами и событиями. В этом мы видим один из аспектов реализации комплексного метода в изучении этногенетических проблем, который автором трактуется не как совмещение в одном исследовании разнородного материала, а как принцип взаимной проверки и корреляции смежными науками достоверности фактов и объективности полученных оценок и выводов.

Особое значение имеет массовость исходного материала, репрезентативного по всему этносу. Сравнительно-исторический метод превращается в примитивный компаративизм, если к историческим сопоставлениям привлекается случайно подобранный этнографический материал, вырванный из контекста исторических событий, или же материал, хотя и обширный, но не отражающий изучаемого явления во всей его совокупности. В методическом отношении широкая представительность мобилизуемых источников обеспечивает возможность системного анализа этнической истории народа, позволяет повысить качество датировки этнографического материала путем его стратиграфического членения с привязкой выделенных пластов культуры к определенным историческим эпохам¹.

В силу некоторых научных традиций, а также успехов в области археологии и сравнительно-исторического языкознания этногенетические исследования по башкирам акцентируют внимание на ранних этапах этногенеза, а точнее — на происхождении той племенной общности, которая явилась или могла явиться ядром в формировании башкирской народности. Однако такое понимание сущности проблемы этногенеза башкир не является исчерпывающим. В последние годы хронологические рамки этногенетических исследований существенным образом раздвигаются: происхождение

¹ Специально об этом см.: Кузеев, 1973.

ние народностей рассматривается как длительный процесс — от возникновения первичных этнических образований в глубинах первобытности до формирования самой народности и тех основных признаков, которые до настоящего времени определяют ее этнический облик (Чебоксаров, 1967; Бромлей, 1970). Отмеченная постановка проблемы заставляет говорить не столько о происхождении, сколько о сложении башкирской народности.

Вопрос об этническом ядре или об этнических компонентах, легших в основу формирования народности, рассматривается в этом свете как составная часть более широко поставленной проблемы. Именно поэтому в исследование вовлекается материал по поздним этапам этнической истории. Поздние этапы этнической истории не только у башкир, но и у некоторых других народов Восточной Европы являются определяющими в формировании их современных этнических признаков. Так, затянувшиеся дискуссии о булгарской основе татарского или чувашского этногенеза, угро-мадьярской или исключительно древнетюркской основе башкирского этногенеза, независимо от их исхода, едва ли в состоянии удовлетворительно объяснить происхождение и развитие совокупности этнических показателей, определяющей нынешний облик этих народов: языка, культуры, физического типа и др.

К объяснению этих вопросов можно прийти, изучая этнические процессы в IX—XVI вв., когда в обстановке усложнения социально-экономической и политической истории в обширной зоне смыкания степных и земледельческих племен активизировались тенденции к консолидации этнических групп, приведшие в конечном итоге к сложению ряда народностей Восточной Европы и Средней Азии. Поэтому исследования, направленные к реконструкции древнейших этапов этногенеза башкир, лишь одна из необходимых линий решения общей проблемы. Другая важная линия — изучение поздних этапов этнической истории. В настоящей работе одним из исходных является положение, согласно которому разработка общей схемы этнической истории башкирского народа осуществляется на базе исследования этнических процессов на всех этапах их развития. Такой подход создает наиболее благоприятные предпосылки для осуществления в этническом исследовании принципа последовательного историзма, органически вытекающего из марксистско-ленинской концепции истории народов мира. Историческая этнография в силу особенностей ее источников наиболее результативно может изучать поздние периоды этногенеза, хотя обычно стремится охватить проблему в целом.

Из всей совокупности этнографических материалов, использованных в процессе исследования, важное значение придано сведе-

ниями по этническому составу башкир. Историко-этнографические исследования по народам Средней Азии, Сибири и Восточной Европы (Жданко, 1950; Абрамзон, 1960, 1971; Долгих, 1960; Потапов, 1969 и др.) убедительно показали, что реконструкция этнического (родо-племенного) состава⁵, картографирование этого материала, выяснение истории расселения составных частей народа и сопоставление полученных результатов с другими источниками открывают широкие возможности для плодотворного изучения как раз тех этапов этнической истории народов, в процессе развития которых происходило становление их современного этнического облика.

Принципиальное значение детальной реконструкции этнического состава тюркских народов для изучения этнолингвистических проблем настойчиво подчеркивалось и подчеркивается в языковедческой литературе (Радлов, 1887; Кононов, 1958; Räsänen, 1961; Németh, 1966 и др.). В соответствии с этим нами уделено большое внимание разработке этнического состава и истории расселения башкир в XVII—XIX вв. Но главным содержанием исследования стало изучение исторического процесса сложения и формирования этнического состава башкирского народа. Выполнение этой задачи обусловило, естественно, широкое вовлечение в сферу исследования не только историко-этнографических данных по собственно башкирской истории (исторические предания, легенды, эпос и др.), но и материалов по родовой системе многих тюркских и финно-угорских народов, в разное время участвовавших в этнических процессах на огромной территории от Волги до Алтая.

Процесс сложения этнического состава народа является основной канвой истории его формирования. Раскрытие этого процесса

⁵ В историко-этнографической литературе по народам Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири нет четкого разграничения в понятиях «этнический» и «родо-племенной» состав. Исследование этнического состава этих народов имеет в виду прежде всего установление традиционной родо-племенной номенклатуры, хотя применительно к истории XVII—XIX вв. более правомерно вести речь об этническом составе. Специфика истории башкир (и не только башкир) заключается в том, что в их состав издавна вливались ипородные группы населения, которые принимали традиционные формы родо-племенных организаций (род — сарт-калмак, родовые подразделения — каракалпак, казах, татар, мишар, калмак, ногай, чуваш, черемис и др.). Отнесение подобных образований к разряду «родо-племенных» без существенных оговорок невозможно, хотя их выделение в общей родо-племенной системе башкир весьма важно в плане изучения этнической истории. Таким образом, понятие «этнический состав» шире и точнее отражает сущность темы: оно подразумевает как установление традиционного родо-племенного состава, так и выделение групп населения, влившихся в башкирскую среду преимущественно в XVII—XIX вв.

существенным образом облегчает и приближает разработку общей схемы этнической истории народа. Успехи, достигнутые в этой области советской этнографией, сделали такие изыскания по этногенезу башкир вполне возможными. Создание же монографий, обобщающих в сравнительно-историческом плане колоссальный материал по родо-племенной системе и этнической истории тюркских, финно-угорских и других народов, — задача будущего.

На все печатные издания (как на публикации документов и материалов, так и на исследования) ссылки даны непосредственно в тексте; указаны фамилия автора или составителя, год издания, страницы. Список изданий, на которые имеется ссылка, читатель найдет в конце книги. Ссылки на полевые дневники экспедиций, материалы научных архивов и рукописных фондов учреждений, а также на другие неопубликованные источники сокращены до минимума и даны подстрочно. Нумерация таблиц дана по главам. Нумерация карт сплошная по всей работе.

Написание всех башкирских терминов дается по правилам современной башкирской орфографии с учетом различий в произношении слов в живой речи.

Автор считает приятным долгом выразить признательность сотрудникам Института этнографии АН СССР и Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, которые своими замечаниями, дополнениями и критикой способствовали появлению этой книги.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
БАШКИРСКОГО
НАРОДА

ГЛАВА I

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА БАШКИР. ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА БАШКИРСКОГО НАРОДА

Этногенез башкир принадлежит к числу малоизученных и наиболее сложных проблем современной исторической пауки. За двести с лишним лет, в течение которых отечественная и зарубежная наука проявляла неизменный интерес к проблеме происхождения башкир, создано немало гипотез и высказано множество мнений. Все они посвящены древним этапам башкирского этногенеза и не затрагивают исторического процесса становления народа в целом. В зависимости от источников, на которые опирались исследователи, предками башкир назывались сарматы или волжские булгары (Татищев, 1962), племена, родственные ногайцам (Рычков, 1762), финно-угры (Уйфальви, 1877), гунны или уйгуры (Мерэсов, 1925; 1926) и т. д.

Неточное освещение исторической перспективы или отсутствие общей картины в изучении исторического явления ведет к гипертрофированному выделению тех или иных аспектов проблемы. В проблеме этногенеза башкир наиболее дискуссионным оказался вопрос об угорской или тюркской основе башкирского этноса. В прямой связи в нем возникла так называемая проблема башкиро-мадьярского родства или, как ее обычно именуют, «башкиро-мадьярская проблема». Разработка этнической истории башкир велась и в значительной степени ведется сейчас под знаком дискуссии и неутрахающих споров между сторонниками «тюркской» и «угро-мадьярской» гипотез происхождения башкирского народа. Возникновение и развитие указанных гипотез в основном сводится к следующему.

Первое письменное упоминание о башкирах в Волго-Уральской области относится к 922 г. н. э. Уже тогда их принадлежность к тюркам не вызывала сомнений, во всяком случае, у автора